

СЕМЁН СИДОРИН

ПОМЕСТЬЕ
НА КРАЮ ТАЙГИ

1

Семён Сидорин

Поместье на краю тайги 1

<https://litres.ru/74563958>

SelfPub; 2026

Аннотация

За закрытыми дверями старого поместья Кречетов скрываются не только вековые тайны и язвительный кот-фамильяр, но и путь к истинному могуществу. Сироте Виктории предстоит подчинить магическую систему Совершенства и восстановить родовое гнездо, пока тени прошлого и интриги Управы не поглотили её единственную надежду на правду о своём происхождении.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Семён Сидорин

Поместье на краю тайги 1

Глава 1

Ну что, Вика, — сказала я себе, глядя на облупившуюся краску ворот приюта, — вот ты и на свободе. Прямо как гордая птица. Только у гордой птицы обычно есть хотя бы пара крыльев и понимание, в какую сторону лететь, а у тебя в кармане звенят сиротские «подъемные», которых хватит ровно на два дня очень скромной жизни в какой-нибудь ночлежке, где клопы будут твоими единственными и весьма навязчивыми друзьями.

Я поправила лямку своей тощей сумки, которая весила меньше, чем мои надежды на светлое будущее. В ней лежали пара сменного белья, застиранное платье и сухарь, который я предусмотрительно прихватила с завтрака. Ветер в Красноярске сегодня был особенно колючим, словно пытался намекнуть: «Милочка, возвращайся-ка ты в тепло, пока не поздно». Но возвращаться было некуда. Восемнадцать лет — это черта, за которой казенная каша заканчивается, а начинается взрослая жизнь, пахнущая пылью и неопределенностью.

Я еще раз пересчитала монеты. Пальцы замерзли, и ме-

д্যাшки выскальзывали, но я была упрямой. Математика — наука точная, но в моем исполнении она всегда звучала как приговор.

— Так, если я буду есть один раз в день и спать на вокзале... — начала я рассуждать вслух, но тут небо над головой странно загудело.

Это не был звук грозы или обычного экипажа. Это был звук чего-то металлического, сложенного и очень дорогого. Я задрала голову и прищурилась. Прямо на меня, разрезая холодный воздух, пикировало нечто блестящее. Сначала я подумала, что это какой-то сумасшедший голубь-мутант, но через секунду над уютским крыльцом зависла бронзовая сова.

Настоящая механическая сова! Я видела такие только в витринах магических лавок, куда нас, уютских, пускали только «посмотреть издалека, чтобы ничего не разбили». Модель Б-7, если верить клейму на ее груди. Птица сделала изящный вираж, обдав меня запахом разогретого масла и озона, и приземлилась на перила. В клюве она держала конверт из плотной бумаги, запечатанный изумрудным сургучом.

— Это мне? — глупо спросила я.

Сова посмотрела на меня своими линзами-глазами, которые в этот момент щелкнули, настраивая фокус, и требовательно ухнула. Звук был такой, будто кто-то ударил ложкой по пустой кастрюле.

— Ладно, ладно, не шуми, — я протянула руку к конверту.

Стоило моим пальцам коснуться изумрудной печати, как мир на мгновение замер. Сургуч под подушечками пальцев не просто треснул — он начал таять. Тепло, нет, настоящий жар, хлынул через кончики пальцев вверх по руке, пробираясь к самому сердцу. Это было похоже на то, как если бы после долгой прогулки на морозе вы вдруг прижались к горячей печке. Приятное покалывание, запах сухих трав и чего-то очень старого, родного. Моя магия, о которой в приюте только гадали («Ну, может, будет у тебя дар к бытовым искрам, Вика, пойдешь в прачки»), вдруг отозвалась глубоким, низким гулом где-то в костях. Магия подтвердила: я — та, за кого меня принимают.

Сова, выполнив миссию, мгновенно потеряла ко мне интерес, расправила крылья и с сухим щелчком взмыла в небо. А я осталась стоять с распечатанным письмом, чувствуя, как внутри всё еще вибрирует это странное «эхо».

Дрожащими руками я развернула плотный лист. Текст был написан каллиграфическим почерком, который так и веял бюрократическим высокомерием.

«Виктории Кречет, законной наследнице рода Кречет. Настоящим уведомляем, что по достижении вами магического совершеннолетия, в ваше владение переходит родовое имущество, а именно: поместье Кречетов и лавка магических товаров, расположенная в городе Енисейск-Магический, на

Центральной торговой дороге...»

Я замерла. Глаза перебежали строчку «лавка магических товаров» снова и снова.

— Лавка... — прошептала я, и в голове тут же закружился вихрь образов.

Я не видела себя в пыльном поместье с привидениями. Нет! Я видела себя за прилавком. Настоящая хозяйка! Я представляла, как расставляю по полкам пузатые склянки, как звенят колокольчики на двери, когда заходит покупатель, как пахнет сушеной мятой и канифолью. Собственная лавка! Это же не просто дом, это дело. Это статус. Больше никто не назовет меня «сироткой из шестой палаты». Я буду «госпожа Кречет, владелица той самой лавки на Центральной дороге».

Я уже почти видела на себе платье из приличной ткани (непрененно с глубокими карманами для рецептов) и чувствовала важность в каждом движении. Дикий, почти неприличный восторг затопил меня. Я — хозяйка магазина! Это звучало лучше, чем если бы мне предложили корону какой-нибудь маленькой, но гордой страны.

Но, как это всегда бывает с магическими письмами, в конце была приписка мелким шрифтом. Радость моя слегка поухлила, когда я дошла до раздела «Обязательства».

«К текущему моменту за объектами недвижимости числится задолженность по налогам и штрафам за простой магического источника в размере 342 золотых рублей и 15 копеек. Для вступления в права наследования и урегулирова-

ния финансовых вопросов вам необходимо явиться в Управу Магического Порядка города Енисейска-Магического лично».

— Сколько-сколько? — я пересчитала цифру. — Триста сорок два рубля? И пятнадцать копеек для ровного счета?

Я посмотрела на свои медяшки в ладони. Они выглядели жалко. Это было не просто много, это была сумма, на которую можно было купить небольшой табун лошадей или, скажем, кормить весь мой приют целый год пирогами с мясом. Мой внутренний бизнесмен, который только что родился и уже начал примерять бархатный жилет, впал в глубокую депрессию.

— Ну уж нет, — я сжала письмо так, что бумага жалобно хрустнула. — У меня есть лавка. На Центральной торговой дороге. Вы хоть понимаете, что это значит? Это значит, что я вытрясу эти деньги из самой земли, если понадобится. Я буду варить такие зелья, от которых лысые обрастут кудрями, а грустные начнут петь дифирамбы прохожим. Триста рублей... пф! Для владелицы целой лавки это просто... временное затруднение.

Решимость — опасная штука, особенно когда она подкреплена абсолютным отсутствием альтернатив. Я знала, что единственный магический поезд до Енисейска отходит через час. И я знала, что вокзал находится где-то «там, за углом и направо».

И вот тут вступила в дело моя главная жизненная пробле-

ма. Некоторые люди не умеют петь, другие — готовить, а я... я обладаю талантом заблудиться в трех соснах, даже если эти сосны подписаны и стоят в ряд. Моя топографическая аномалия — это не просто плохая ориентация в пространстве, это проклятие.

Я бодро свернула за угол. Должен быть вокзал. Вместо него я оказалась в тупике, где две облезлые кошки делили остатки рыбьей головы. Кошки посмотрели на меня с явным осуждением.

— Извините, — буркнула я и попятилась.

Ладно, возвращаемся. Теперь налево. Спустя десять минут я снова вышла к воротам приюта. Те же ворота, та же облупившаяся краска. Только теперь они казались еще более насмешливыми.

— Спокойно, Виктория. Ты теперь серьезная женщина, у тебя долг в триста золотых. Ты не можешь просто стоять и смотреть на ворота, — скомандовала я себе.

Я пошла в другую сторону. Улица казалась знакомой, но через пятьсот метров она внезапно превратилась в узкий переулок, пахнувший прачечной. Я повернула еще раз. И еще. В какой-то момент я поняла, что уже в третий раз прохожу мимо одной и той же лавки с вывеской «Булочки у Афанасия». Афанасий, судя по всему, уже начал меня узнавать и подозрительно посматривал из-за стекла.

Время неумолимо утекало. Магический поезд не будет ждать наследницу с топографическим кренинизмом. Я бук-

важно побежала, ориентируясь на дым из труб — там, где дыма больше, должен быть вокзал, верно?

В итоге, когда до отправления оставалось минут десять, я, потная, со сбившимся дыханием и растрепанными волосами, буквально вывалилась на привокзальную площадь. Как я здесь оказалась? Понятия не имею. Наверное, само странство сжалилось надо мной и просто выплюнуло в нужном месте.

Я влетела в здание вокзала. Здесь пахло углем, металлом и тем самым специфическим «железнодорожным» волшебством, которое заставляет сердце биться чаще. Касса магического направления была почти пуста — все приличные люди уже давно заняли свои места.

— Билет до Енисейска-Магического! — выдохнула я, падая на прилавок кассы.

Пожилой кассир в форменной фуражке медленно, невыносимо медленно поднял глаза.

— Третий класс остался. Общий вагон. Пять рублей семьдесят копеек, барышня.

Я начала wygrебать деньги. Это было больно. Каждая монета, упавшая на деревянную тарелочку, словно отрывалась от моего сердца. Это были все мои деньги. Абсолютно. До последней копейки.

Кассир пересчитал медь, подозрительно посмотрел на меня, потом на мой сиротский наряд и, вздохнув, выдал узкий картонный прямоугольник, по которому пробежали золоти-

стые искорки.

— Платформа номер четыре. Поторопитесь, отправление через три минуты.

Я схватила билет и рванула к контролю. На входе стоял массивный прибор, похожий на медный граммофон без трубы. Магический сканер.

— Билет и ладони на пластину, — сухо скомандовал дежурный, не отрываясь от газеты.

Я прижала руки к холодному металлу. И тут произошло то, чего я не ожидала. Мои ладони вспыхнули. Не просто загорелись, а выдали такой мощный поток теплого, золотисто-зеленого света, что дежурный отшатнулся, выронив газету и болезненно щурясь.

— Ого! — вырвалось у него. — Ну и силища у вас, барышня. С таким даром и в третьем классе?

— Наследственная скромность, — огрызнулась я, хотя у самой сердце ушло в пятки.

Свет погас так же внезапно, как и появился, оставив после себя приятное покалывание. Я проскочила мимо ошарашенного охранника и выскочила на платформу. Огромный состав, окутанный облаками пара, уже мелко дрожал, готовый сорваться с места. Вагоны первого класса блестели лаком и золочеными ручками, второго — выглядели уютно, с занавесочками на окнах. Я же бежала в самый хвост, туда, где стояли тяжелые, обитые железом вагоны для простого люда и магических рабочих.

Я запрыгнула на подножку в тот самый момент, когда поезд издал прощальный гудок. Внутри было тесно, шумно и пахло махоркой, кислым хлебом и дешевыми притирками. Я пробралась в самый угол, отвоевав себе пяточок на жесткой скамье.

Прижав сумку к груди, я смотрела в окно, как мимо медленно проплывает перрон, потом окраины города, а затем и бесконечные сибирские леса. Колеса застучали в такт моим мыслям: «Лав-ка. Лав-ка. Долг. Долг. Лав-ка».

Я не знала, что ждет меня в Енисейске. Я не знала, как выглядит мое поместье (наверняка там крыша течет и полчища пауков-интеллектуалов пишут мемуары в углах). Я понятия не имела, где возьму триста сорок два золотых рубля. Но одно я знала точно: у меня есть имя, у меня есть магия, которая заставляет сканеры сходить с ума, и у меня будет лучшая лавка в этой губернии.

— Берегитесь, господин мэр, или кто там у вас главный, — прошептала я, закрывая глаза. — Виктория Кречет едет домой.

Поезд набирал ход, унося меня прочь от сиротского прошлого в мир, где магия пахнет изумрудным сургучом и обещанием новой, совершенно сумасшедшей жизни.

Три часа в общем вагоне — это не просто путешествие, это суровое испытание для органов чувств и веры в человечество. Если вы думаете, что магия делает поездку приятнее, то спешу вас разочаровать: она лишь добавляет к запаху ма-

хорки и немытых тел тонкий аромат озона и паленой шерсти от чьих-то неисправных амулетов.

В моем углу было особенно «атмосферно». Слева храпел огромный детина в засаленном тулупе, от которого весло за версту черемшой, а справа две почтенные дамы в платках так яростно обсуждали цены на магическую муку, что я начала всерьез опасаться за целостность своих барабанных перепонок.

— И говорю тебе, Степановна, — гремела та, что покрупнее, — у них в лавке на углу заклинание свежести на хлебе держится ровно до порога! Только вышла — и хрясь! Сухарь!

— Ой, милая, и не говори, — вздыхала собеседница. — Сплошное надувательство.

Я сидела, прижав свою тощую сумку к животу, и чувствовала, как во рту становится все суше. Горло саднило, словно я наглоталась той самой придорожной пыли, которая клубилась за окном. Чай. Мне жизненно необходим был чай. Или хотя бы глоток воды, не пахнувшей ржавым железом.

— Ну что, Виктория, — прошептала я себе под нос, — пора проявить характер. Иди и найди источник жизни. Вагон-ресторан должен быть где-то в голове поезда. Или в хвосте.

Я встала, стараясь не наступить на чьи-то узлы, и решительно двинулась к выходу. Мой внутренний компас, который обычно вращался как бешеный вентилятор, на этот раз

уверенно указал направо. «Там точно еда и напитки», — шепнуло мне подсознание.

Я прошла один тамбур, борясь с тугой дверью, которая лязгнула так, будто хотела откусить мне пальцы. Потом второй. Странно, но шум общего вагона начал затихать. Вместо криков и храпа появилась какая-то подозрительная, почти-тельная тишина.

Я толкнула очередную дверь — она поддалась удивительно легко, смазанная магическим маслом — и замерла.

Мои стоптанные ботинки утонули в густом, мягком ворсе изумрудного ковра. Воздух здесь не просто был чище — он благоухал лавандой, дорогим воском и чем-то неуловимо изысканным, вроде выдержанного коньяка или хороших новостей. Стены были обиты темным деревом, которое светилось мягким внутренним светом, а на окнах висели тяжелые бархатные портьеры с золотыми кистями.

— Ой, — вырвалось у меня.

Я огляделась. Похоже, мой «компас» в очередной раз решил, что мне скучно живется, и вместо вагона-ресторана привел меня прямиком в первый класс. Здесь не было толкучки. Здесь были кресла, в которых можно было утонуть, и тишина, которую нарушало лишь тихое звяканье фарфора.

— Барышня? — голос прозвучал как сухой щелчок хлыста.

Я подпрыгнула на месте и обернулась. В проходе стоял мужчина — высокий, прямой, как будто вместо позвоноч-

ника у него была вшита стальная линейка. Его седые бакенбарды были так тщательно подстрижены и напудрены, что напоминали маленькие облака, приклеенные к челюсти. В правом глазу у него поблескивал монокль, который визуаль-но увеличивал его глаз до размеров чайного блюдца, делая взгляд пугающе проницательным.

Он демонстративно поправил белоснежные перчатки — ни единого пятнышка, ни единой складочки — и начал медленно, с явным отвращением оглядывать мое застиранное сиротское платье, которое на фоне этого великолепия выглядело как грязная тряпка, забытая на балу.

— Позвольте узнать, — начал он, и в его голосе было столько холода, что я едва не задрожала, — по какой такой... прискорбной случайности особа вашего социального... хм... калибра оказалась в вагоне высшей категории?

— Я... я чай искала, — честно ответила я, чувствуя, как краснею до кончиков ушей. — Там, в общем, очень душно.

— Чай? — он приподнял бровь, и монокль угрожающе качнулся. — Вы, вероятно, ошиблись не только вагоном, но и реальностью. Управление Магического Порядка крайне строго относится к несанкционированному пересечению границ сословного комфорта.

И тут это случилось.

Раздался тяжелый, вибрирующий гул, от которого у меня заложило уши. Прямо в воздухе между мной и инспектором (а это явно был инспектор УМП, судя по гербу на его лацка-

не) начало материализоваться Нечто.

Это не было похоже на дешевые голограммы из лавок. Передо мной возник массивный фолиант. Его переплет из чешуйчатой кожи дракона отливал багровым, а кованые латунные уголки выглядели так, будто ими можно было колоть орехи. Книга раскрылась сама собой, и в лицо мне ударило облако запаха — архивной пыли, сургуча и свежих, еще влажных чернил.

Система «Совершенство». Та самая, что проснулась во мне вместе с письмом.

Пожелтевшие страницы зашелестели, и перед моими глазами начали проступать строки, выписанные каллиграфическим, слегка ехидным почерком.

«Текущие характеристики наследницы Кречет», — гласил заголовок.

Я невольно начала читать, забыв про инспектора.

«Сметливость — 1. Примечание: Уровень ориентации в пространстве — "Блуждающий топографический кретинизм". Способность найти первый класс вместо уборной подтверждена».

— Ну, спасибо, дорогая книга, очень информативно, — буркнула я под нос.

«Чуткость — 1. Примечание: Вы не заметили, как сменили вонючую махорку на лаванду, пока не уперлись носом в инспектора. Поздравляем, ваша интуиция спит беспробудным сном».

Я почувствовала, как дернулся глаз. Система явно была настроена на критический лад.

«Хозяйственность — 3. Примечание: Сказываются годы беспощадной эксплуатации в детском доме. Вы можете отмыть этот вагон до блеска, но вряд ли вам за это заплатят».

Три! Целых три балла! Я даже почувствовала мимолетную гордость. Видимо, те бесконечные субботники с хлоркой и шваброй не прошли даром для моего магического профиля.

«Обаяние — 2. Примечание: Система выдала вам аванс за красивые глаза и общую нелепость вида. Используйте осторожно, на инспекторов УМП действует слабо».

«Родовая связь — 1. Примечание: Связь с предками едва теплится, как огарок свечи на сквозняке. Вы Кречет только по паспорту и форме носа».

Пока я изучала свой позорный список достижений, инспектор терпеливо — или, скорее, с ледяным высокомерием — ждал. Он, конечно, не видел книгу, для него я просто застыла, глядя в пустоту с глуповатым выражением лица.

— Барышня, вы меня слышите? — он постучал пальцем по своей медной табличке, висевшей на стене рядом с дверью. — Согласно пункту 14 Устава, вход в зону повышенного комфорта облагается мгновенным налогом. Один золотой рубль за факт присутствия.

Книга «Совершенство» тут же перелистнула страницу. На ней была нарисована пустая мошна, а под ней горела ярко-красная надпись, которая, казалось, пульсировала в такт

моему участвовавшемуся сердцебиению:

«Статус: КРАЙНЯЯ НУЖДА. Баланс: 0 золотых, 0 серебряных, 0 медных. (Ваши последние копейки ушли на билет, помните?)»

— Помню, — едва слышно выдохнула я. — Не надо напоминать.

— Что вы там бормочете? — инспектор сузил глаз. — Золотой рубль, прошу вас. Или мне придется составить протокол и высадить вас на ближайшем полустанке «Комариная плешь».

Я посмотрела на него. Потом на книгу. Потом снова на него. Ситуация была патовая. У меня не было ни рубля, ни даже сухаря, чтобы откупиться. Но сдаваться? Виктория Кречет не сдается так просто, даже если ее Сметливость равна единице.

— Видите ли, господин инспектор... — я выпрямилась, стараясь придать своему лицу выражение загадочное и слегка надменное, насколько это позволяло мое амплуа «сиротки в беде». — Моё золото... оно сейчас недоступно для мгновенных транзакций.

— Вот как? — он иронично изогнул бровь. — И где же оно? В швейцарском банке гномов?

— Нет, — я сделала шаг назад, к спасительной двери тамбура. — Оно зарыто.

— Где зарыто? — не понял он.

— В саду моего поместья. В Енисейске-Магическом. Зна-

ете ли, семейная традиция Кречетов — хранить капитал в земле для лучшего... э-э... магического созревания. Родовые тайны, сами понимаете.

Инспектор на мгновение лишился дара речи. Его монокль даже чуть не выпал, но удержался на честном слове и силе бюрократической привычки.

— Вы... вы из Кречетов? — переспросил он, окидывая меня уже менее брезгливым, скорее подозрительным взглядом. Имя моего рода всё еще имело вес в этой губернии, даже если сейчас оно ассоциировалось скорее с долгами и запустением.

— Именно, — я ухватила за ручку двери. — Так что, если хотите получить свой налог, милости прошу в поместье через недельку. А сейчас — прошу прощения, у меня там... э-э... зелье в общем вагоне закипает. Интуитивное!

Я начала стремительно пятиться в тамбур, молясь всем богам дорог, чтобы дверь не заклинило.

В этот момент призрачная книга «Совершенство» с каким-то обиженным, почти человеческим шелестом захлопнулась. Она сделала это так резко, что из-под ее кожаного переплета вылетело густое облако вековой пыли — настоящей, серой, колючей пыли архивов.

— Апчхи! — инспектор, не ожидавший такой диверсии со стороны мироздания, сложился пополам. — Кха! Апчхи! Что за...

Пока он отчаянно чихал в свой белоснежный платок, пы-

таясь рассмотреть меня сквозь пылевую завесу, я рванула дверь на себя.

— Всего доброго! — крикнула я и буквально вывалилась в холодный, пропахший углем тамбур.

Я бежала по вагонам так, будто за мной гнались все демоны налоговой инспекции разом. Двери хлопали, пассажиры возмущенно вскрикивали, а я всё летела и летела, пока не уперлась в знакомую засаленную перегородку своего родного третьего класса.

Я тяжело опустилась на свою жесткую лавку, переводя дух. Почтенные дамы всё еще спорили о муке, а детина в туалете всё так же храпел, пуская слюну на воротник.

— Ну что, Виктория, — прошептала я, чувствуя, как внутри всё еще дрожит азарт. — Сметливость — один, зато наглость — все десять.

Я прикрыла глаза, и на мгновение мне показалось, что я снова чувствую запах старой кожи и чернил. Система «Совершенство» молчала, но я знала: она где-то там, внутри, ждет моего следующего прокола, чтобы снова ехидно прокомментировать мои успехи.

Поезд мерно постукивал на стыках рельсов. До Енисейска-Магического оставалось совсем немного. Я так и не попила чаю, но жажда странным образом отступила, вытесненная осознанием того, что в этом мире, где тебя оценивают по перчаткам и моноклям, у меня теперь есть свой собственный, пусть и ворчливый, «путеводитель» по выживанию.

— Поместье Кречетов, говоришь? — улыбнулась я своему отражению в темном стекле. — Ну, держись, сад. Будем искать твоё зарытое золото. Даже если его там никогда и не было.

Енисейск-Магический встретил меня так, будто я была не наследницей древнего рода, а досадной ошибкой в бухгалтерской книге мироздания. Когда поезд, издав напоследок измученный свист, замер у перрона, я вывалилась из вагона прямо в облако магического озона, перемешанного с запахом копченого омуля и свежеспеченных калачей.

Воздух здесь был густым, почти осязаемым. Над головами прохожих сновали крошечные механические почтовые птицы, а тяжелые баржи на Енисее, судя по доносившемуся гулу, работали не на угле, а на очень сердитых стихийных духах.

— Ну, Вика, — бодро сказала я себе, поправляя сумку, — город большой, возможностей много, а поместье где-то... там.

Я гордо развернулась на 180 градусов и уверенно зашагала прочь от вокзала. Через десять минут я обнаружила, что стою перед тем же самым киоском с надписью 'Горячие пирожки от Марфы', у которого стояла в самом начале. Марфа, дородная женщина в чепце, который, кажется, жил своей жизнью и периодически подергивал кружевами, посмотрела на меня с легким прищуром.

— Милочка, ты уже третий раз мимо меня дефилируешь. Ищешь чего или просто аппетит нагуливаешь? — поинтере-

совалась она, ловко переворачивая пирожок магическим лопатником, который парил в воздухе сам по себе.

— Я ищу Центральную торговую дорогу и поворот к поместью Кречетов, — ответила я, стараясь придать голосу максимум солидности.

При слове 'Кречетов' лопатник Марфы вздрогнул и уронил пирожок обратно в масло. Соседний грузчик, тащивший огромный сундук, окованный светящимся железом, споткнулся и едва не снес фонарный столб.

— Кречетовых? — Марфа осенила себя каким-то коротким обережным знаком. — Ох, девка... Это ж в старом квартале. Там, где дома сами по себе стонут, а трава растет только ночью. Тебе туда зачем?

— Я там живу. Точнее, буду жить, — я выпатила подбородок.

— Наследница, значит, — торговка сочувственно вздохнула и протянула мне заветренный сухарик. — На, погрызи. Говорят, на вас там такой долг висит, что Управа скоро само небо над поместьем в аренду сдаст, чтоб копейку выручить. Иди прямо до моста, потом направо, потом еще раз направо... хотя нет, для тебя лучше просто иди за тем облезлым псом, он как раз в ту сторону кости таскает.

В этот момент перед моими глазами снова зашелестели страницы системы 'Совершенство'.

'Внимание! — ехидно проявились буквы на пожелтевшей бумаге. — Текущая характеристика: Сметливость — 1. При-

мечание: Вы заблудились в прямой линии. Система настоятельно рекомендует не смотреть на облака, а хотя бы раз в жизни воспользоваться картой. Или просто признать, что ваш внутренний компас был сделан из бракованной ложки'.

— Замолчи, — прошипела я пустоте.

— Чего? — переспросила Марфа.

— Это я... стихи вспоминаю. Спасибо за совет!

Я двинулась в указанном направлении. Город постепенно менялся. Блестящие витрины сменились покосившимися заборами, а вместо нарядных дам в механических экипажах стали попадаться хмурые личности, прячущие лица в глубоких капюшонах. Здесь пахло сыростью и старой магией — той самой, которая не приносит радости, а лишь напоминает о былом величии.

Наконец, я увидела их. Кованые ворота, которые когда-то, наверное, слепили прохожих позолотой, теперь выглядели так, будто переболели тяжелой формой ржавчины. По бокам высились каменные столбы, на одном из которых красовался герб Кречетов — сокол, терзающий... кажется, змею, хотя сейчас это больше напоминало запутавшуюся в водорослях селедку.

За воротами царил хаос. Сад превратился в джунгли, но не обычные, а магические. Я увидела старого человека в поношенном сюртуке, который с отчаянным видом сражался с огромным кустом малины. Куст не просто рос — он пульсировал мягким розовым светом и пытался обвить побегами

лодыжки старика.

— Да уймись ты, окаянная! — пыхтел старик, размахивая секатором, от которого летели тусклые искры. — Я тебя вчера подрезал, имей совесть!

Малина в ответ лишь плотнее сомкнула ряды, явно намереваясь затащить садовника в свои колючие объятия.

— Кхм... добрый день? — подала я голос через прутья ворот.

Старик замер, и куст, воспользовавшись моментом, тут же обмотал его поясницу гибкой веткой.

— Не добрый, барышня, совсем не добрый! — отозвался он, пытаясь высвободиться. — Если вы из Управы, то зайдите завтра. Или через год. У нас тут... технический перерыв в гостеприимстве!

— Я не из Управы, — сказала я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Я Виктория. Виктория Кречет.

Секатор со звоном выпал из рук старика прямо в гущу светящейся малины. Он медленно обернулся, близоруко щурясь.

— Батюшки... — прошептал он. — Неужто дождались?

— Ой, да брось ты, Никифор, — раздался вдруг густой, вибрирующий голос, в котором сквозило столько ленивого высокомерия, что мне сразу захотелось вытянуться во фрунт. — Дождались они. Очередное недоразумение в юбке приехало. Причем, заметь, слишком поздно к обеду.

Я вздрогнула и посмотрела на каменный столб забора.

Там, вальяжно развалившись на остатках лепнины, сидел кот. Но какой! Огромный, угольно-черный, с такой лоснящейся шерстью, будто его каждый час полировали воском. Его янтарные глаза светились недобрым интеллектом, а хвост медленно, с ритмичностью маятника, постукивал по камню.

Кот неспешно, с нарочитым безразличием, вылизал лапу и посмотрел на меня так, словно я была не слишком удачным сортом сметаны.

— Ну и что мы замерли? — осведомился он, не меняя позы. — Входите, раз уж приперлись. Хотя предупреждаю: ковров с караваями не будет. Ковры моль съела еще при прошлом императоре, а караваи... ну, Никифор пытается что-то печь, но у него магия вкуса всегда уходит в сторону жженой резины.

Я открыла рот, закрыла его, а потом снова открыла.

— Ты... ты говоришь? — выдавила я.

— Нет, дорогая, я пою арии на древнеэльфийском, просто у тебя в ушах уютная каша застряла, — кот спрыгнул на землю, приземлившись абсолютно бесшумно. — Я Тихон. Твое 'Ваше Ворчейшество' на ближайшее время, если, конечно, ты не сбежишь через час, осознав масштаб катастрофы.

Он подошел к воротам и принюхивается к моей ауре через щель.

— Пф-ф... — фыркнул он, дернув усами. — Так я и думал.

Пахнет дешевым мылом, казенной овсянкой и абсолютной, беспросветной безнадежностью. И это наследница великого рода? Куда катится этот мир... Раньше Кречеты пахли грозой и дорогим табаком, а теперь — невыплаченными кредитами.

— Послушай, кот... — начала я, закипая.

— Тихон Игнатьевич для тебя, девочка, — перебил он меня. — Или просто 'Господин и Повелитель кухни'. Никифор, что ты стоишь, как соляной столп? Открывай ворота, пока она не передумала. Хотя я бы на ее месте передумал прямо сейчас и бежал до самого Красноярска без оглядки.

Старик, которого кот назвал Никифором, наконец опомнился. Он рванулся к воротам, на ходу отбиваясь от малины, которая, кажется, расстроилась из-за потери добычи.

— Виктория Алексеевна! — голос его дрожал. — Простите нам эту... небрежность. Дом заждался. Мы все заждались.

Он выудил из кармана тяжелый бронзовый ключ и дрожащими руками вставил его в скважину. Замок издал такой скрежет, будто в нем перемалывали камни, и створки ворот нехотя разошлись.

Я сделала осторожный шаг за калитку.

И в ту же секунду мир вокруг меня изменился.

Под моими ногами, прямо под слоем пыли и сухой листвы, вспыхнул сложный геометрический узор. Золотисто-зеленые нити света рванулись от ворот к самому дому, прошивая пространство. Я почувствовала, как по телу прошла мощная волна тепла — от кончиков пальцев на ногах до са-

мой макушки. Это было похоже на то, как если бы меня вдруг узнал старый друг после долгой разлуки.

Древний охранный контур поместья, спавший десятилетиями, вдруг загудел, признавая мою кровь. Воздух в саду задрожал, сбрасывая оцепенение. Светящаяся малина мгновенно притихла и даже как будто подобрала свои ветки, освобождая проход.

Никифор охнул и выронил секатор.

А Тихон... Тихон наконец оторвался от созерцания своей лапы. Его хвост перестал дергаться. Кот внимательно, по-настоящему внимательно, прищурился, глядя на то, как магия моего рода переплетается с моими волосами, заставляя их на мгновение вспыхнуть темным золотом.

— Надо же... — пробормотал он, и в его голосе впервые исчезла язвительность, уступив место чему-то похожему на уважение. — Кажется, кровь все-таки не водица. Хотя кашей от тебя все равно несет за версту, наследница. Ну, идем в дом. Будем смотреть, сколько пыли ты сможешь проглотить, прежде чем запросишь пощады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.